

С. И. МАЛОВИЧКО

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье обосновывается возможность использования феноменологической концепции источниковедения в теоретическом основании формирующегося предметного поля источниковедения историографии. Анализируются практики постановки и решения вопросов об исторических источниках истории исторической науки и принципах их классификации.

Ключевые слова: историография, источниковедение историографии, классификация историографических источников, виды историографических источников, социально ориентированный тип исторического знания, научная история.

В последние десятилетия стала все острее осознаваться задача актуализации уже имеющихся и поиска новых познавательных возможностей исторической науки. Одной из них является творчески развиваемая Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение.ru феноменологическая концепция источниковедения, теоретическую основу которой создавала О.М. Медушевская. В данной статье я ставлю задачу обосновать возможность использования этой концепции в теоретическом основании формирующегося предметного поля источниковедения историографии. Однако прежде чем перейти к решению этой задачи, считаю нужным обратить внимание на историографическую ситуацию второй половины XX – начала XXI в., связанную с формированием практики постановки и решения вопросов об источниках истории исторической науки и принципах их классификации.

Несмотря на предпринимавшиеся историками еще первой половины и третьей четверти XIX в. попытки критики трудов предшественников и современников, история истории как рефлексия о процессе конструирования истории возникает вместе со становлением неклассического типа рациональности. Именно в это время история «вступила в свой историографический возраст»¹. Под названиями «история истории», «история самосознания», «историография», «история исторической мысли», «история исторического письма», «история историографии» и т.д. этот вид ис-

¹ Нора. 1999. С. 23.

торической саморефлексии получает распространение среди профессиональных историков в национальных историографиях Европы и США. Историография как вспомогательная историческая дисциплина начинает преподаваться в университетах². Так, в лекциях по русской историографии, записанных и изданных студентами Харьковского университета, Д.И. Багалей, определяя ее место (вместе с источниковедением), как вспомогательное для истории России, подчеркивал: «Историографией называется вспомогательная историческая дисциплина...»³.

Я не стану останавливаться на очевидном, на том, что в разных национальных историографических традициях, под понятием «историография» понималась не только история исторической науки (мысли), но также философия и методология истории, история исторического образования, история историков или истории изучения отдельных проблем и т.д.⁴ В целом, курсы лекций и работы по историографии имели одно общее свойство – они оказались прочно зависимы от традиций политической истории, доминировавшей в XIX в. и предложившей структуру построения материала, состоящую, по словам М. Гривер, из цепи последовательно сменяющих друг друга «канонических историков», изучавших знаковые эпохи национального прошлого. Эта вертикальная структура позволяла маргинализировать голоса других историков⁵, что, на наш взгляд, смягчало *деконструирующий* – по отношению к историческому знанию – эффект истории истории⁶.

В структуре советской исторической науки историография заняла довольно почетное место (превращаясь из вспомогательной исторической дисциплины в самостоятельную дисциплину исторической науки), что было связано не только с желанием руководства наукой и самих историков разобраться в прошлом дисциплины, но и с выработкой «правильной» концепции критики российской дореволюционной и современной зарубежной буржуазной исторической науки. Следует согласиться с В.А. Муравьевым, что историография как дисциплина в советской исторической науке с 50-х гг. стала выполнять еще и роль определенной «отдушины», позволявшей оттачивать инструментарий научной критики, она «“оттягивала” на себя ... некоторую часть методологических сужде-

² Ключевский. 1989. Т. VII. С. 185-233; Коялович. 1884; Jameson. 1891; Миллюков. 1897. Т. 1; Fueter. 1911; Багалей. 1907. Т. I; Gooch. 1913; Shotwell. 1922; и др.

³ Багалей. 1907. Т. I. С. 1.

⁴ Подробнее об этом см.: Попова. 2000; 2012.

⁵ Grever. 2009. P. 49.

⁶ См.: Маловичко, Румянцева. 2012. С. 287.

ний и некоторую часть такой сложной области исторического познания, как история идей, история общественной мысли»⁷.

Надо учесть, что в отечественной исторической науке, как ни в какой другой, имелась и давняя прочная источниковедческая традиция, которая оказала влияние на развитие как общей теоретической базы истории исторической науки, так и ее исследовательских приемов.

Эти факторы позволили советским историкам уже в 1960–70-х гг. поднять вопросы о сути истории исторической науки как специальной исторической дисциплины⁸ и о специфике историографических источников⁹, что свидетельствовало об изменении статуса историографии в структуре исторического знания. Интересно, что этот процесс в те же годы обозначился и в западноевропейской и американской историографиях. Как отмечает М. Бенгли, с начала 1970-х гг. историков перестает удовлетворять «дополняющее» / «специальное» по отношению к истории место историографии в образовательной и научной практиках¹⁰. Однако вопрос об источниках историографических исследований был актуализирован именно в советской историографии и, как справедливо отмечает С.В. Чирков, в 1970-х гг. начинается конституирование особого исследовательского направления – «источниковедения историографии»¹¹. В этом процессе активное участие приняли источниковеды.

Неслучайно, первое время сам вопрос о специфике базового для истории истории историографического источника – произведении историка рассматривался в традиционной позитивистской традиции (просуществовавшей и в марксистско-ленинской историографии), выявлявшей «первичные» и «вторичные» исторические источники. Вспомним, что, говоря о материалах, на основании которых историк может проводить то или иное научное исследование, И.Г. Дройзен поставил рядом письменные первичные источники и источники вторичные – исторические исследования¹². Немецкий историк обратил внимание на исследование историка как на исторический источник исходя из сугубо практических целей – конкретно-исторической работы исследователя, который может воспользоваться трудом предшественника (использовавшего т.н. первоисточники) в качестве дополнения к своим материалам. По сути,

⁷ Муравьев. 1999. С. 21.

⁸ См.: Нечкина. 1965. С. 6-26.

⁹ См.: Пушкирев. 1975. С. 70-74; Шмидт. 1976. С. 266-274.

¹⁰ См.: Bentley. 1999. P. IX.

¹¹ Чирков. 1994. С. 403-409.

¹² Дройзен. 2004. С. 142.

эту мысль развивал и советский источниковед Л.Н. Пушкарёв, заметивший: «...Исследование – это одна из разновидностей повествовательного источника, однако настолько своеобразная и особая, настолько отличающаяся от всех других разновидностей источников, что, определяя источниковедческую ценность исследования, историк должен обратить внимание на выявление и анализ его первоисточников»¹³.

Одной из черт советской практики изучения истории истории, которая проявляет себя и сегодня, стало внимание не только к линейному процессу развития исторической науки, но и к общественной мысли, которая могла отличаться от дворянской или буржуазной «официальной» историографии своей «неофициальностью», а значит, как писала М.В. Нечкина, «прогрессивностью» исторической мысли, носителями которой были «непрофессионалы»¹⁴. Неслучайно, в курсе историографии истории СССР для исторических факультетов стали изучать А.Н. Радищева, декабристов, Н.Г. Чернышевского и др. мыслителей, идеи которых, часто всего лишь по совпадению оказывались актуальными для нужд советской идеологии. Не ставя под сомнение практику конструирования контекста, представленного общественной мыслью, отмечу, что контекст контексту рознь, так как указанная практика не способствовала выявлению черт профессионализации научной историографии, нивелируя разницу между научным историческим знанием и гипотетическими мыслительными конструкциями прошлого.

Надо отдать должное М.В. Нечкиной – будучи профессиональным историком, она искренне считала, что историографии предназначена роль «рычага внутри исторической науки, который содействует повышению научного уровня исторических исследований»¹⁵. Чтобы выполнять такую роль история истории должна не только декларировать свою функцию, иметь свой предмет, содержание и структуру, но и рефлексировать об инструментариим, помогающем совершенствовать процедуру историографического исследования и продуцировать новое знание.

Актуализация на теоретическом уровне истории исторической науки концептов «историографический факт» и «историографический источник» вызвала дискуссию. Не останавливаясь на выяснении значения для историографического исследования первого из них (на мой взгляд, пока еще отсутствует четкое понимание дефиниции «историографический факт»), лишь коротко отмечу, что давая ему нечеткую, избыточную

¹³ Пушкарёв. 1975. С. 74.

¹⁴ См.: Нечкина. 1965. С. 14-15.

¹⁵ Нечкина. 1980. С. 133.

по отношению ко второму формулировку¹⁶, мы убираем границу между историографическим фактом и историографическим источником, что приводит к подмене произведения историка (как историографического источника), содержащего новое историческое знание, историографическим фактом, и уводим историографическую проблему в поле традиционной исторической событийности, а значит, не позволяем себе проводить строгую не только источниковедческую (в этом случае, от нее просто избавляются), но историографическую процедуру (как в дефиниции А.И. Зевелева – «источник [историографический] – факт»¹⁷).

С 1970-х гг. советские историки стали обращать внимание на изучение уже не столько трудов историков, сколько творческой атмосферы, «микrokлимата» развития науки, факторов, сопутствующих развитию историографии и конкретной работе отдельного историка прошлого, а тем самым был актуализирован вопрос о «типологии источников для составления биографии именно историка»¹⁸. Сегодня такая практика историографического исследования успешно проводится, в первую очередь, омскими историками (проект «Мир историка»), а В.П. Корзун в рамках такой модели исследования вполне обоснованно предложила выделить в историографических источниках «основную группу», куда должны входить научные труды историков, и «вспомогательную», включающую исторические источники иных видов, помогающие воссоздавать «атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественно-политические взгляды, ценностные ориентиры, особенности его натуры» и т.д.¹⁹

Меня в данном случае интересует классификация именно таких историографических источников как произведения историков, что наиболее полно соответствует базовому понятию *историографический источник*. Ими «выступают труды исследователей, созданные в самых разных формах: монографии, статьи, рецензии, выступления с докладами на научных конференциях, “круглых столах”, дискуссиях»²⁰. Поэтому определение, данное С.О. Шмидтом («историографическим источником можно назвать всякий источник познания историографических явлений (фактов)»²¹), как мне представляется, хотя и может отвечать потребностям дальнейшего

¹⁶ Например: Историографический факт – это «концепция ученого, реализованная им в одном или нескольких исторических сочинениях» (Камынин. 2010. С. 63).

¹⁷ Зевелев. 1987. С. 98.

¹⁸ См.: Шмидт. 1976. С. 265-274.

¹⁹ Корзун. 2000. С. 22.

²⁰ Камынин. 2010. С. 63.

²¹ Шмидт. 1997. С. 185.

изучения «историографических фактов» или событий в исторической науке (так как здесь задействуются не только историографические, но собственно исторические источники иных видов, которые профессиональному историку все-таки необходимо различать), но совершенно не способствует превращению источниковедения историографии в строгое научное поле современной исторической науки.

На мой взгляд, актуализация вопроса о классификации базовых историографических источников сегодня вызвана несколькими факторами.

С последней четверти XX в. наблюдается трансформация функций гуманитарного знания, ослабление его рационалистической составляющей. Поэтому в эпоху постпостмодерна вопрос о познавательных возможностях исторической науки становится ключевым. Возрастание роли истории историографии в постнеклассической и неоклассической моделях науки происходит в ситуации, которая характеризуется все большим размежеванием разных типов исторического знания: социально ориентированного и научно ориентированного. Этот процесс связан с тем, что научно ориентированное историческое знание старается найти более строгие научные основания профессиональной деятельности историков. Неслучайно, нидерландский историк М. Гривер обращает наше внимание на пересмотр параметров истории историографии²², а Л.П. Репина делает вывод о своевременности формирования *нового направления исторической критики*, «все дальше уходящего от описания и инвентаризации исторических концепций» и позволяющего исследовать не столько историографические направления и школы, а профессиональную культуру в целом²³.

Говоря об индикаторах измерения состояния научного знания О.М. Медушевская отмечала, что одной из важнейших задач современной исторической науки и исторического образования должна стать выработка критериев, позволяющих «отличать логику создания исследовательского труда, создания научного произведения, целью которого является новое знание, от другой логики создания повествования, в интриге которого смешивается представление о научной истине и человеческой фантазии»²⁴. Конечно, научные основания истории историографии может предоставить лишь логический процесс верификации получаемых результатов исследования, базой которого служит *источ-*

²² Grever. 2009. P. 46-47.

²³ Репина. 2011. С. 409-410.

²⁴ Медушевская. 2002. С. 35.

никоведение историографии, а её наиболее актуальной задачей является классификация историографических источников.

К систематизации трудов историков в рамках истории истории исследователи стали прибегать довольно давно. Наиболее удобной формой (кроме простой хронологической) стала систематизация по отдельным видам историй исторической науки. Например, Х.М. Стефенс в лекциях по историографии классифицировал историков по принципу принадлежности их практик историописания к философской истории (Ф.П.Г. Гизо, Дж. Грот, Т. Карлейль), политической истории (Т.Б. Маклей, Л. А. Тьер, И.Г. Дройзен и др.), романтической истории (А. Ламартин, Ж. Мишле, Ф. Паркман и др.)²⁵ Такая модель классификации историографического материала, наряду с выделением отдельных дисциплин / направлений исторической науки, станет в XX в. довольно распространенной, в частности, Дж.М. Винцент распределил историографический материал по таким историям как: военная, социальная, политическая, социологическая и др.²⁶

В истории исторической науки уже стало традиционным применять *жанровый подход* (иногда называя жанром саму историю²⁷) при классификации таких историографических источников как произведения историков. В 1960-х гг. его применяли О.Л. Вайнштейн и М.В. Нечкина, а сегодня выделяют жанры исторических работ некоторые соискатели ученых степеней²⁸. И.С. Волин считал, что историографические источники целесообразно разделить на типы, к которым можно отнести научные работы историков, историческую учебную литературу, источники, содержащие информацию о жизни и творчестве историков и т.д.²⁹ А.И. Зевелев указывал, что «историографические источники можно классифицировать по следующим принципам: классовому происхождению, авторству, видам»³⁰.

Последнее утверждение недавно развил Г.М. Ипполитов, по мнению которого «историографические источники классифицируются (по общепринятому порядку) по видам, происхождению и авторству». Повторив в своей формулировке классификационный принцип

²⁵ Stephens. 1905. P. 21-27.

²⁶ Vincent. 1911. P. 3-12.

²⁷ См.: Levrault. 1907.

²⁸ См.: Вайнштейн. 1964. С. 457; Нечкина. 1965. С. 10; Клинова. 2009. С. 18; Игишева. 2010. С. 10.

²⁹ Волин. 1980. С. 122-123.

³⁰ Зевелев. 1987. С. 126.

А.И. Зевелева, он убрал из понятия «классовое происхождение» слово «классовое» и тем самым заставляет нас задуматься над тем, что же есть «происхождение»? Историк постарался выделить группы историографических источников для проблемно-тематических историографических исследований: «исследования обобщающего характера» и «специальные исследования», внутри которых, к сожалению, указал только на два вида – «учебные издания» и «материалы научных конференций и прочих научных форумов». Остальные (виды?) он просто перечислил, например: «общие фундаментальные труды по истории периода, который подвергается историографическому осмыслению [так у автора – С.М.]», «общие фундаментальные труды по истории исторической науки» или «учебные издания, в которых до предела в обобщенном виде освещаются основные вехи истории периода, который подвергается историографическому осмыслению и переосмыслению [так у автора – С.М.]» и т.д., так и не указав принципа (ведь классовый подход он убрал) выделения видового состава историографических источников³¹.

Недавно болгарский историк А. Запрянова, признавая актуальность типологизации историографических источников, предложила группировать их посредством выделения трех подгрупп: научные работы, материалы, опубликованные в средствах массовой информации, и архивные материалы³². Таким образом, она отнесла к историографическим источникам исторические источники иных видов, что представляется мне неприемлемым даже в том случае, если продолжать видеть в истории историографии всего лишь специальную историческую дисциплину.

Научно-педагогическая школа источниковедения (сайт Источниковедение.ru) в последнее время актуализирует процесс дальнейшего формирования *предметного поля источниковедения историографии*³³. Феноменологическая концепция этой школы, восходящая к эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского позволяет исследователю плодотворно работать с историографическими источниками. Тем более что, как справедливо отмечает М.Ф. Румянцева, сегодня происходит парадигмальное сближение историографии с источниковедением в рамках интеллектуальной истории³⁴.

³¹ *Ипполитов*. 2011.

³² *Запрянова*. 2010. С. 43, 47.

³³ См.: *Маловичко*. 2012 (б). С. 119-121; 2012 (а). С. 114-117; *Румянцева*. 2012. С. 195-198.

³⁴ *Румянцева*. 2011. С. 227.

Следует отметить, что в рамках Научно-педагогической школы источниковедения ранее, с одной стороны, был предложен подход к изучению конкретных текстов историков (В.А. Муравьев)³⁵, с другой стороны, сделано предположение о возможности использования теоретического подхода источниковедческого «проекта» к разработке теоретической основы «проекта» историографического (О.М. Медушевская), так как они не разделены между собой и «их теоретические границы проницаемы»³⁶. Кроме того, актуализация О.М. Медушевской в теории источниковедения принципа «признания чужой одушевленности» (т.е. одушевленности автора источника)³⁷ позволяет исследователю не только работать с конкретным историографическим источником, но, что для нас наиболее важно, задуматься о теоретической основе источниковедения историографии.

Мне представляется, что в современном историографическом исследовании применим тот же принцип «признания чужой одушевленности», что и в источниковедении источников иных видов. Его применение, с одной стороны, позволяет заменить иерархическую структуру исторического знания культурными связями разных его типов, с другой стороны, – помогает преодолеть линейность историографического процесса, дополняя коэксистенциальными связями. Принцип «признания чужой одушевленности» позволяет учитывать, что произведения историков прошлого по отношению к наблюдателю-исследователю выступают эмпирической реальностью – вещью, которая, сама по себе, реализованный интеллектуальный продукт, результат целенаправленной человеческой деятельности, выступающей в процессе познания как особый феномен и представляет собой «главный материальный объект, посредством которого возникает в автономной человеческой информационной среде феномен опосредованного информационного обмена»³⁸. Таким образом, источниковедческий подход к истории историографии может строиться на феноменологической концепции, которая, по меткому замечанию историка, уже является источниковедческой по своей ключевой позиции³⁹.

Идея, положенная О.М. Медушевской в основу концепции *когнитивной истории*, заключается в том, что когнитивная история рассматривает в качестве эмпирического объекта все интеллектуальные продукты,

³⁵ См.: Муравьев. 2003. С. 25.

³⁶ Медушевская. 2002. С. 22.

³⁷ Медушевская. 1999.

³⁸ Медушевская. 2008 (6). С. 33.

³⁹ Медушевская. 2007. С. 14.

созданные человечеством ранее и создаваемые сегодня, причем, историк неоднократно подчеркивала, что такие продукты создавались людьми осознанно, т.е. целенаправленно. О.М. Медушевская отмечала: «Человек всегда творит целенаправленно, он ставит себе определенную цель и по мере продвижения к ней стремится сохранить накопленный информационный ресурс, создавая интеллектуальные продукты... За любой (завершенной) вещью угадывается цель ее создания. Соответственно этой цели целенаправленно отбирается материал с теми свойствами, которые отвечают замыслу»⁴⁰. Конечно, среди целенаправленно создаваемых интеллектуальных продуктов особое место должны занимать труды историков.

Феноменологическая концепция позволяет рассматривать историю историографии (как и историю в целом) как науку, имеющую свой эмпирический объект, создававшийся в процессе целенаправленной деятельности историописателя. Произведенный автором интеллектуальный продукт становится основным источником информации о человеке и исторической культуре его времени. Созданные с определенной целью интеллектуальные продукты выполняют определенную функцию. Такие продукты «структурированы в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены. Они имеют системное качество и, следовательно, способны фиксировать такой информационный ресурс, который говорит не только о них самих, но и той системе, в рамках которой оказалось возможным их возникновение», – писала О.М. Медушевская⁴¹.

На цель создания того или иного рассказа о прошлом, по которой можно судить о функции самого этого произведения, ранее уже обращали внимание исследователи истории историографии. Например, на рубеже XIX–XX вв. известный историк церковной историографии А.П. Лебедев, вмешавшись в спор о «классе сочинения» (историческое, статистическое, полемическое и пр.) Игизиппа «Достопамятности», сделал осторожное предположение, что этот «класс» зависит от «ясно намеченной и вызываемой обстоятельствами цели» автора сочинения⁴². Однако такое замечание еще не было превращено в принцип научной классификации исторических, а тем более историографических источников. Сегодня мы признаем, что функциональны (по своему целеполаганию) и произведения историков, так как они несут в себе обозначение своей функции в системе исторического знания: монография, диссертация, статья, рецен-

⁴⁰ Медушевская. 2008 (а). С. 54.

⁴¹ Там же. С. 258.

⁴² См.: Лебедев. 1903. С. 19.

зия и т.д. Неслучайно, как мне недавно напомнил Р.Б. Казаков, независимо от историков определенную классификацию изданий уже проводили и проводят библиографы и книговеды (правда, историкам стоит со своих позиций осмыслить конкретную классификационную номенклатуру, в рамках которой определяется то или иное издание).

Функция того или иного произведения историка, основанная на цели его создания, и выступает основой классификационной процедуры, проводимой исследователем историографии. «Информационное поле продуктов человеческой деятельности имеет хорошо выраженную видовую конфигурацию», – отметила О.М. Медушевская⁴³. Поэтому в качестве объекта источниковедческой операции для нас выступает уже не отдельно взятое произведение, а система (*видовая структура*) историографических источников, соответствующая определенному типу культуры.

О возможности создания классификационной схемы историографических источников по модели классификации исторических источников, выработанной советским источниковедением, говорил еще Л.Н. Пушкарев. Однако, предусматривал активную позицию историографа, это предложение совершенно игнорировало «Другого» – историка прошлого. По Л.Н. Пушкареву, конкретная процедура классификации историографических источников будет зависеть от целей, которые ставит исследователь⁴⁴. Напротив, *рефлексия о чужой одушевленности* позволяет за основу процедуры выделения видовой структуры исторических источников принять принцип *целеполагания его автора* («Другого»), а значит и классифицировать историографические источники не по цели современного исследователя или библиографа, а по целеполаганию (авторскому замыслу) историка прошлого.

В отличие от иерархической практики классической науки, феноменологическая концепция источниковедения, в основу которой заложен принцип «признания чужой одушевленности», позволяет выделять виды (монографии, статьи, диссертации, тезисы, рецензии, лекции, учебные пособия и т.д.) и группы (по типам исторического знания: научно ориентированное и социально ориентированное) историографических источников по целеполаганию и структурировать работы историков не по значимости, а рассматривать их как *рядоположенные*. Такая практика помогает не бороться с «социально мотивированным ложным

⁴³ Медушевская. 2008 (а). С. 244.

⁴⁴ Пушкарев. 1980. С. 103.

истолкованием прошлого», как призывал Дж. Тош⁴⁵, а выявлять «другой», иной по отношению к научной истории тип исторического знания.

В этой связи в качестве удобного примера можно привести ситуацию с диссертационными исследованиями по региональной тематике, где в историографических разделах авторами совершенно не выделяются научно ориентированные работы по локальной и региональной истории и социально ориентированные работы по историческому краеведению. Между тем, историографический анализ работ, традиционно причисляемых к краеведческим, позволяет выявить, что они выполнены в исследовательском поле региональной истории, как, например, статья С.И. Архангельского «Локальный метод в исторической науке» (журнал «Краеведение», 1927 г.)⁴⁶.

Рассмотрим другой пример: видовую принадлежность сугубо научного диссертационного исследования С.М. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям» выдает поставленная историком цель работы: «прежде всего мы должны определить», «показать», «и потом уяснить причины» и т.д.⁴⁷ Напротив, национально-государственный нарратив не может относиться к тому же виду историографических источников, так как целью конструирования такой истории уже не является исследование; неслучайно, тот же С.М. Соловьев в начале своей многотомной «Истории России» рассуждает не о научных задачах, а «о значении, пользе истории отечественной»⁴⁸, что говорит о сугубо социальной, а не научной ориентации такой работы.

Таким образом, феноменологическая концепция источниковедения, выступая теоретической основой источниковедения историографии, позволяет акцентировать внимание на специфике профессионализации исторического знания, выявлять его научные и ненаучные формы, помогает выработке критериев, позволяющих в источниковедческой операции историографического исследования отличать логику создания научного труда от логики иных форм историописания. И, пожалуй, самое главное, источниковедческий подход к изучению истории историографии помогает рассматривать ее (употреблю выражение О.М. Медушевской) как *строгую науку*, имеющую свой эмпирический объект.

БИБЛИОГРАФИЯ

⁴⁵ Тош. 2000. С. 29.

⁴⁶ См.: Маловичко. 2011. С. 11-14.

⁴⁷ См.: [Соловьев С.М.]. 1846. С. 1.

⁴⁸ Соловьев. 1896. С. 1.

- Багалея Д.И.* Русская историография: Лекции, читанные в Харьковском университете. Т. I. Харьков : Типо-литография С. Иванченко, 1907 [Издание студентов историко-филологического факультета]. 550 с.
- Ванштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 482 с.
- Волин И.С.* О разнотипности историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: межвузовский тематический сборник / отв. ред. М.В. Нечкина. Калинин: КГУ, 1980.
- Дройзен И.Г.* Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. 581 с.
- Запранова А.* Типология источников историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків : ХНУ, 2010. Вип. 10. С. 41-52.
- Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высшая школа, 1987. 160 с.
- Ижишева Е.А.* Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в отечественной историографии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 47 с.
- Ипполитов Г.М.* Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 501-509.
- Камынин В.Д.* Теоретические проблемы историографии на рубеже XX–XXI вв. // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3 (78). С. 54-66.
- Клинова М.А.* Историография уровня жизни городского населения (1946–1991): общероссийский и региональный аспекты : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009. 25 с.
- Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии // *Ключевский В.О.* Сочинения: в IX т. М.: Мысль, 1989. Т. VII. С. 185-233.
- Корзун В.П.* Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: анализ отечественных историографических концепций. Екатеринбург; Омск: Омский гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.
- Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. 603 с.
- Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV века по XX. 2-е изд., пересмотр. СПб.: Тузов, 1903. 610, IX с. (Собр. церковно-ист. соч. проф. д-ра богословия Алексея Лебедева ; т. 1).
- Маловичко С.И.* «Локальный метод» С.И. Архангельского в тисках изобретенной генеалогии краеведения // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. Нижний Новгород, 2011. С. 11-14.
- Маловичко С.И.* Источниковедение историографии с точки зрения Научно-педагогической школы источниковедения // Историческая наука и образование в России и на Западе : судьба историков и научных школ: материалы междунар. науч. конф. М., 2012 (а). С. 114-117.
- Маловичко С.И.* Феноменологическая парадигма источниковедения в изучении историографических практик // *Imagines Mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв.: Историк, текст, эпоха: IV междунар. науч. конф. Уральск. отд. Российск. общ-ва интеллектуальной истории. Екатеринбург, 2012 (б). С. 119-121.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Социально-ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии // Историческое по-

- знание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 274–290.
- Медушевская О.М.* История в общей системе познания: смена парадигм // Единство гуманитарного знания: новый синтез. Материалы XIX междунар. науч. конф., Москва, 25–27 янв. 2007 г. М.: РГГУ, 2007. С. 12–19.
- Медушевская О.М.* Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания : докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. М.: РГГУ, 2002. С. 20–36.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008 (а). 358 с.
- Медушевская О.М.* Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008 (б). Ч. 1. С. 24–34.
- Медушевская О.М.* Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М.: Наука, 1999. № 2 (120). С. 100–136.
- Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М.: Тип. Т-ва М.Н. Кушнерев и К^о, 1897. 318 с.
- Муравьев В.А.* История, исторический источник, историография, история исторического познания (размышления о смысле современных историографических исследований) // Рубеж истории: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 19–27.
- Муравьев В.А.* История вновь и вновь // Источниковедческая компаративистика и историческое построение : тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. 2003 г. М.: РГГУ, 2003. С. 22–31.
- Нечкина М.В.* История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. М., 1965. С. 6–26.
- Нора П.* Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Реюмеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Попова Т.Н.* Историографическая наука: проблемы самосознания // Харківський історіографічний збірник. Харків: НМЦ «СД», 2000. Вип. 4. С. 20–33.
- Попова Т.Н.* Историография в поисках своего обновления // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2008. Вип. 9. С. 44–60.
- Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 198–215.
- Пушкарёв Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 282 с.
- Пушкарёв Л.Н.* Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: межвузовский тематический сборник / отв. ред. М.В. Нечкина. Калинин: КГУ, 1980.

- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Румянцева М.Ф.* Феноменологическая парадигма источниковедения в актуальном историографическом пространстве // Будущее нашего прошлого: материалы всеросс. науч. конф. М., 2011. С. 221-229.
- Румянцева М.Ф.* Лекционные курсы А.С. Лаппо-Данилевского и В.М. Хвостова по методологии истории: опыт сопоставительного исследования // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьба историков и научных школ: материалы междунар. науч. конф. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 195-198.
- [Соловьёв С.М.] Об отношении Новгорода к великим князьям / историческое исследование С. Соловьёва. М., 1846. 174 с.
- Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен: в 6 кн., 29 т. СПб., 1896.
- Тош Д.* Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.
- Чирков С.В.* Об источниковедении историографии // Мир источниковедения (сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза. 1994. С. 403-409.
- Шмидт С.О.* Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.
- Шмидт С.О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии : к 75-летию М.В. Нечкиной: сб. статей. М.: Наука, 1976. С. 265-274.
- Bentley M.* Modern Historiography: An Introduction. L.: Routledge, 1999. 182 p.
- Fueter E.* Geschichte der Neueren Historiographie. München; Berlin: Drunk und Verlag von R. Oldenbourg, 1911. 626 s.
- Gooch G.P.* History and Historians in the Nineteenth Century. 2-th ed. L., 1913. 600 p.
- Grever M.* Fear of Plurality: Historical Culture and Historiographical Canonization in Western Europe // Gendering Historiography: Beyond National Canons. Frankfurt; N.Y., 2009. P. 45-62.
- Jameson J.F.* The History of Historical Writing in America. Boston; N.Y.: Houghton & Co., 1891. 168 p.
- Levrault L.* L'Histoire (evolution du genre). P.: P. Delaplane, 1907. 168 p.
- Shotwell J.T.* An Introduction to the History of History. N.Y., 1922. 348 p.
- Stephens H.M.* Syllabus of a Twelve Lectures on History and Historians. Berkley: The University Pr., 1905. P. 21-27. 40 p.
- Vincent J.M.* Historical Research an Outline of Theory and Practice. N.Y.: Henry Holt and Co., 1911. P. 3-12. 368 p.
- Маловичко Сергей Иванович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Московского государственного областного гуманитарного института; malovichko@gmail.com